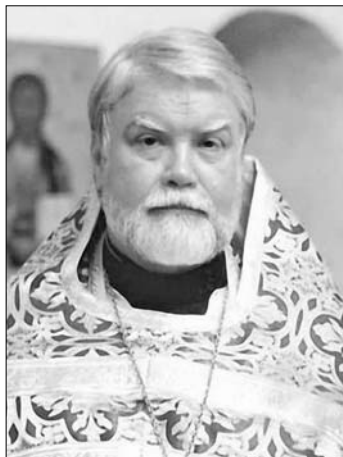

ПРОТОИЕРЕЙ ЯРОСЛАВ ШИПОВ

ТРИ РАССКАЗА

ТРАКТОР

Трактор тоже мобилизовали. Поскольку его родной тракторист ушёл воевать, а в ближайшей воинской части механизаторов не отыскалось, позвали сына тракториста — шестнадцатилетнего Витьку, который с детства таскался за отцом и знал технику.

Фронт был теперь совсем рядом, и деревня оказалась в ближнем тылу. Витька мотался по лесным дорогам, перевоза продовольствие, одежду, шанцевый инструмент. Когда листва облетела и выпал снег, от дневных поездок пришлось отказаться: следы трактора и дым из трубы делали Витьку слишком заметной мишенью. Однажды лётчик его обстрелял, но промазал, а пока самолёт разворачивался для следующей атаки, Витька свернул в старый ельник и заглушил двигатель, чтоб не дымил. Немец, конечно же, определил место и дал ещё одну очередь — трактор завалило перебитыми ветками, но пули до него не дошли.

Витька стал ездить по ночам: с вечера уедет — к утру вернётся. Однажды не вернулся. Валентина пошла за водой, встретила у колодца Витькину мать, а та рыдает:

— Убили, девонька, твоего жениха!

Валентина:

— Где? Кто?

— Ночью бомбы слышала?

ШИПОВ Ярослав Алексеевич родился в 1947 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1979-го по 1981 год работал в журнале "Наш современник". Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. С 1991 года — священник. Служил на отдаленных сельских приходах. В настоящее время служит и живёт в Москве.

- Так это ж далеко, на озёрах...
- Он через озёра по льду и ездил.
- А кто вам рассказал?
- Сердце.

Потом военные объяснили, что немецкий бомбардировщик, летевший на Москву, сбросил бомбы и повернул назад.

Дело в том, что бомбардировщики не возвращаются домой с бомбами: во-первых, у тяжелогружёной машины расход горючего больше — может и не хватить, во-вторых, садиться с полной бомбовой нагрузкой и труднее, и опаснее, а самое главное: если не отбомбился, значит, не выполнил задание. Вот почему в случае какой-либо поломки в воздухе пилоты старались избавиться от бомб. То же происходило, когда не хотелось нарываться на противовоздушную оборону. Возможно, именно по этой причине самолёты союзников с таким загадочным остервенением превращали в руины незащищённые немецкие города вроде Дрездена или Магдебурга, не долетая до Берлина. А здесь вот по неизвестным причинам самолёт сбросил бомбовый груз в глухомань, завалив озеро крошечным льдом и обломками древесных стволов.

Поскольку никаких следов тракториста не обнаружилось, его признали пропавшим без вести. Кто-то предположил, что он мог эвакуироваться с беженцами, кто-то считал, что он добавил себе лет и его зачислили в какое-нибудь подразделение, но мать была уверена, что он погиб и лежит на дне озера. Валентина соглашалась с ней, зная, что если бы Витюшка был жив, то непременно сообщил бы о себе.

Спустя многие годы горестное событие это неожиданным образом осветит и согреет жизнь Валентины.

Но сначала надо было отправиться на курсы медсестёр, затем поработать в госпитале неподалёку от дома. Её полюбил раненый солдатик, и сразу после войны она вышла замуж. Валентине повезло, а то ведь к тому времени численность мужчин в стране катастрофически сократилась.

Потом были годы в трудах, скорбях и болезнях. Она родила и вырастила четверых детей, овдовела и тихо доживала свой век в родной деревне. Дети разъехались по городам и весям, впрочем, изредка навещали её, как правило, в ягодную и грибную пору.

Валентина стала забывать сиюминутное, но при этом всё ясней и подробнее вспоминались детство и молодость. Она вдруг поняла, что самая яркая, ничем не затенённая радость её протяжённой жизни связана с Витюшкой. Счастливыми были их детские игры, счастливым было его ухаживание в школьные годы. Она пыталась представить, как могло бы сложиться их семейное житие, но кроме соображения насчёт народить побольше детишек ничего не придумывалось.

Омрачало воспоминания только чувство некоей задолженности: Витюшка, числившийся пропавшим без вести, лежал на дне озера — не ответ и не похоронен.

Однажды летом в деревне разместились поисковая группа: они искали самолёт, сбитый над озёрами во время войны. Валентина приняла на постой двух волонтеров и как-то при случае поведала им историю исчезновения юного тракториста, но ребята сказали, что занимаются поиском красноармейцев, а Витюшка таковым не был. Однако утонувший трактор взволновал экспедицию — и волонтеры нашли его. На катере с эхолотом это оказалось делом несложным. А вот самолёт не нашли — вероятно, он упал в болота, и нужно было готовить группу с другим снаряжением, но это уже на следующий год. А пока... пока Валентина стала плакать беспрерывно: вроде ведь и нашли Витюшку, а всё равно: ни ответ, ни похоронить...

Пришла пора гостям собираться. Когда приехали к берегу вытаскивать катер, решили на прощанье сгонять к трактору. Один из постояльцев надел акваланг...

В общем, и ответили Витюшку, и рядом с матерью похоронили. И людей было множество. И никто из них никогда не видал таким счастливым лицом женщины, которая хоронила своего любимого.

НА РАБОТУ

Со старшим братом идём в ЦИАМ — Центральный институт авиационного моторостроения. Брат — работать, я — на медицинский осмотр перед отправкой в летний лагерь, которые тогда именовались пионерскими. В те времена ещё не было станции метро “Авиамоторная”, и следовало добираться от “Бауманской”. Попутно едут трамваи, но они переполнены так, что не втиснешься. Надо пройти пешком хотя бы несколько остановок, когда трамваи слегка разгрузятся. А пока идём, кто — в ЦИАМ, кто — в ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт), кто — в НИИ авиационных металлов, кто — в КБ Туполева... Навстречу прямо по проезжей части, но у самого тротуара вальяжно шагает чудной человек в чёрной железнодорожной фуражке, к тулье которой приклеены буквы: “генерал”. Грудь его украшают бумажные медали и ордена, вырезанные, вероятно, из Большой советской энциклопедии. Некоторые приветствуют: “Здравия желаю, товарищ генерал!” — и тогда он снисходительно прикладывает ладонь к фуражке. Это известный на всю округу городской сумасшедший.

К нам присоединяется старший коллега моего брата, он бывал у нас в гостях, и я называю его дядей Сашей. Знаю, что дядя Саша считается “отцом сверхзвуковой лопатки”. Правда, не знаю, какой: для турбины или для компрессора. Дома у меня есть большая лопатка — можно дрова колотить, есть поменьше, есть даже обгорелая от американского самолёта-разведчика U-2, сбитого над Уралом.

Тут начинается дождь, и мы прячемся в какую-то подворотню. Туда же следом за нами ныряет ещё один циамовец — мне говорят, что это Михалыч и что он — фрезеровщик, но не простой, а выдающийся. Оказывается, Михалыч из-за его таланта даже на фронт не послали — всю войну он выполнял разные секретные задания, а рядом с ним постоянно находился охранник. “Даже в уборную сопровождал”, — смеётся Михалыч. Самой кропотливой работой было изготовление воздушных сирен для пикирующих бомбардировщиков Петлякова: требовалось добиться, чтобы вой сирен стал невыносимым.

Дождь затихает, и мы выбираемся из своего укрытия. Тут же несколько человек выходят из ближайшего подъезда, а среди них ещё один коллега. Зовут его непривычно: Гайк Авакович. Я догадываюсь, кто это: брат рассказывал, что фильм “У твоего порога” — как раз о нём и о его зенитке.

В сорок первом году при обороне Москвы не хватало пушек, которые могли бы противостоять немецким танкам. Было принято болезненное решение: снять с противовоздушной обороны несколько зенитных расчётов и разместить их на танкоопасных направлениях. Считалось, что прорыв танков к Москве страшнее бомбардировок, тем более что немецким самолётам, кроме зенитных орудий, противостояла истребительная авиация и аэростатные заграждения. Вот Гайк Авакович Шадунц со своей зениткой и встречал немцев неподалёку от Лобни.

Циамовцы вспоминают, как по выходным всю весну ездили в Лыткарино достраивать свой пионерский лагерь. Выбрав мгновение, я шепнул Гайку Аваковичу, что у меня секретный вопрос. Он остановился, показав рукой, чтобы остальные шли дальше.

Я спросил его:

— А по самолётам так ни разу и не стрельнули?

Он улыбнулся и вздохнул:

— Случалось. И даже удачно. Но, конечно же, не докладывали.

Дождь совсем прекратился, и тротуары снова заполнились людьми, которые спешили на работу. Созданная ими авиация летает и летает.

Но улица, по которой мы тогда шли, со временем опустела.

ПОСЛЕДНИЙ АРИСТОКРАТ

Он позвонил мне, сказал, что заболел, жена отлучилась по каким-то делам и некому выпулять пойнтера. Я сразу приехал. Мы были знакомы с Олегом Васильевичем Волковым и по литературно-издательским делам, и, главное, по общему увлечению — охоте. Так что почти полувековая разница в возрасте отношениям нашим нисколько не мешала. Олег Васильевич вернулся из вятских лесов с глухариного тока, а я из костромских — с тетеревиного.

Мы сидели на кухне и обсуждали наши поездки. Пёс, поздоровавшись со мной, лёг на законное место под столом, а ворон Карлуша, сидевший в огромной клетке на столе, каркнув для приветствия, продолжил чистить перья. Ворон этот упал в лоджию к Олегу Васильевичу с повреждённым крылом и теперь проходил курс лечения.

Говорю:

— Воспитанные ребята.

— Стараюсь внушать им, что на всё есть свои манеры, — отвечает хозяин, — мне это важное правило с малолетства внушали родители и гувернантка, а потом — Тенишевское училище. Внушали и на французском языке, и на английском, и на немецком... Правило относится не только к собственно этикету, но ко всем сферам жизни вообще: например, ухаживать за барышней — свои манеры, быть охотником — свои... Сидеть в тюрьме — тоже свои... Теперь, к сожалению, представление обо всех этих манерах утрачено.

Разговор смещается к Соловкам, на которых Волков провёл немало времени. Он рассказывает, как служили литургию в лесу на камне, и вместо вина был клюквенный сок, а вместо просфоры — пайка. Я, только начавший воцерковляться, прошу его поточнее повспоминать, в каких местах заключённые хоронили священнослужителей, расстрелянных после получения приказа освободить триста нар для уголовников. Теперь было уже очевидно, что в скором времени Церковь причислит убиенных к лику святых, и следовало бы отыскать их останки. Расстреляли осенью. Они пролежали всю зиму под снегом, а весной, чтобы не случилось эпидемии, стали прикапывать. Олег Васильевич хотел было рассказать что-то ещё, но тут кобель запросился гулять. Спрашиваю:

— Куда вы ходите?

— Не волнуйтесь, — отвечает хозяин, — он сам всё знает, сам всё покажет.

Взял на поводок, пошли. Немного отделились от дома, собака сворачивает к помойке. Я останавливаюсь, говорю: “Ты чего?.. А манеры?” По моим представлениям, столь знатный пёс никак не должен лезть в помойки. Он смотрит на меня удивлённым, невинным взглядом, дескать, мы всегда и пренебреженно посещаем это знатное место. “Ну, коли так, — говорю, — тогда ладно”. Обнюхал мусорные ящики, и пошли дальше. “Куда теперь?” — спрашиваю. Оказалось — к следующей помойке. И снова этот убедительно честный взгляд. А потом ещё к одной и ещё, и ещё... Мы тогда с неизменяемой щепетильностью исследовали все мусорные баки между проспектом Мира и больницей имени Склифосовского.

Вернулись, хозяин расслабился, я отчитался. Олег Васильевич сказал пойнттеру:

— Да как же тебе не стыдно! Разве можно лукавить? Лукавство, знаешь, от кого?.. Не знаешь?.. От лукавого!

Пёс быстро убрался под стол, а ворон, радуясь этой выволочке, так раскаркался, что хозяин вынужден был строго осадить его:

— Карлуша!.. Злорадство — уж очень пошлый грех — тебе не к лицу...

Ворон мгновенно умолк и, как ни в чём не бывало, продолжил зачистку перьев.

Когда я уходил, пойнтер вылез из-под стола и виновато ткнулся мне в колено, а Карлуша попросился каким-то невероятно нежным горловым скрежетом.

— Так-то лучше, — оценил их поведение Олег Васильевич. — Сколько вам повторять: на всё есть свои манеры.